

— Отец?

В окне раскинулся усыпанный звёздами небосвод. Мягкий лунный свет струился подобно жидкой ртути, заливая поникшие ветви махровой бегонии и окрашивая нежные лепестки в бледно-розовые и лиловые тона. В тёплом полумраке комнаты раздался тихий детский голосок, в котором сквозила естественная, сонная нежность.

— Это и есть Альтаир, тот самый Волопас из легенды? — Кэтрин, лёжа на краю кровати, прижимала к себе уголок одеяла, а другой рукой указывала в бескрайнюю бездну неба. Её взгляд был чистым и ясным. Девочка смотрела прямо на яркую луну, отражавшуюся в её глазах золотыми искрами.

Отложив книгу сказок, Морис посмотрел туда, куда указывала дочь, и замер от удивления. Кэтрин выбрала нужную звезду с поразительной точностью. Сегодняшнее небо было усыпано мириадами созвездий, и даже взрослому человеку, если он не увлекался астрономией, было бы трудно мгновенно отыскать среди них Альтаир.

— А вон та, далёкая — Вега, Ткачиха?

— Ведь так? — не унималась Кэтрин. Не заметив минутного замешательства отца, она с прежним азартом указала на другую звезду — и снова безошибочно.

— Откуда ты знаешь? И почему так уверена? — мягко улыбнулся Морис, глядя на дочь.

— Папа рассказал, — радостно рассмеялась девочка, довольная своей правотой перед самым близким человеком. Она перевернулась на бок и прижалась головой к груди Мориса.

Морис обнял дочь и принялся медленно перебирать её длинные серые волосы.

«Папа?..»

Шелковистые пряди ласкали пальцы, но эта мягкость не могла заглушить тревогу, поселившуюся в глубине его сердца.

Хань Цзин вырос под сильным влиянием восточной культуры и в чём-то оставался консерватором. Хотя их дом был оформлен в привычном для Мориса европейском стиле, обилие книг и лаконичные пейзажи гошуа, написанные тушью, приносили в атмосферу тонкий восточный колорит. Кэтрин, росшая в этой среде, незаметно для себя впитывала эти традиции.

Но с её феноменальным интеллектом и привычками — с чего бы ей слушать одну и ту же сказку дважды?

Морис прекрасно знал, что память дочери уникальна: Кэтрин запоминала всё с первого раза. Она никогда не любила слушать уже известные истории и терпеть не могла традиционные методы обучения, построенные на бесконечном повторении. Правило «повторение — мать учения» для неё попросту не существовало.

Но почему сегодня она попросила рассказать сказку, которую уже знала наизусть?

Неужели из-за того, что он вечно занят и уделяет ей слишком мало внимания?

Эта мысль уколола Мориса чувством вины. Последний год он провёл в бесконечной борьбе за власть, и у него почти не оставалось времени, чтобы просто посидеть с дочерью и почитать её любимые легенды. Хань Цзин заботился о ней гораздо нежнее и внимательнее — неудивительно, что девочке оказалась ближе восточная культура.

— Отец? — Кэтрин завозила в его объятиях и удивлённо подняла голову, не дождавшись ответа. — Мне не нужно было ложиться к тебе?

— Что? — Морис растерялся, не сразу поняв её вопрос.

— Папа сказал, что скоро у меня будет братик или сестрёнка. Вот здесь... — Кэтрин мгновенно села в постели и с любопытством уставилась на живот Мориса. — Это правда? Когда он появится? И как он оттуда выберется? Я тоже когда-то сидела там внутри? Как же я тогда родилась?

Как и любой ребёнок, никогда не сталкивавшийся с подобными вопросами, она лучилась искренним детским любопытством. Морис смотрел в её чистые глаза и не знал, как подступиться к объяснениям. С её умом стоило намекнуть хотя бы на одну деталь, как она тут же докопается до самой сути и узнает то, о чём в четыре года знать ещё рановато.

Её, в отличие от него самого в детстве, простыми отговорками не проведёшь.

Немного подумав, Морис мягко произнёс:

— Из-за нашей с папой любви в моём животе когда-то появилась ты, а теперь растёт твой будущий братик или сестрёнка. Ты провела там девять месяцев, и малышу тоже нужно время. А на это Рождество ты наконец-то встретишься с ним.

— На Рождество? — Судя по голосу, столь размытый ответ Кэтрин не устроил. Но когда Морис взял её ладошку и бережно прижал к своему пока ещё плоскому животу, где уже теплилась новая жизнь, девочка затихла и медленно опустила голову, словно прислушиваясь к неведомому зову.

— Тогда ты больше не будешь одна, — Морис снова прижал её к себе. Он слишком хорошо знал, как ей одиноко. Из-за янтарных глаз, пепельных волос и постоянного надзора со стороны

Федерального правительства у Кэтрин не было друзей. Она росла лишённой простых детских радостей.

— Тогда... пусть лучше это будет братик, — девочка подняла на него взгляд.

— Почему? — Морис заметил недетскую серьёзность в её глазах.

— Потому что у Волопаса и Ткачихи в сказке было двое детей: мальчик и девочка.

— И они очень любили друг друга...

— Но в конце концов они расстались, и теперь им дозволено видеться лишь раз в году, — перебил её Морис, пытаясь увести разговор в сторону. Ему никогда не нравилась эта грустная восточная легенда, но Кэтрин упрямо гнула своё.

— Нет, они обязательно будут вместе! — Кэтрин задумчиво нахмурилась. — Встреча раз в году — это мелочь. Пока они живы, они будут видеться вечно. К тому же звёзды на небе не стоят на месте. Сила влюблённых будет расти, а разделяющее их расстояние — сокращаться. С каждым разом они будут всё ближе, пока однажды не соединятся навсегда.

— У этой истории хороший конец. Бессмертие дарует бесконечную надежду и бесконечные шансы. Только смерть способна оборвать всё и положить конец прекрасному.

Морис ошеломлённо замолчал. Он обнимал дочь, которая была для него дороже собственной жизни, но внезапно почувствовал, что совершенно не знает её. Да, он выносил её, она унаследовала его гены, её генетический код был безупречен... И всё же эти янтарные глаза и пепельные волосы оставались неразрешимой загадкой, тяжёлым облаком висевшим над его сердцем. Разве мог четырёхлетний ребёнок рассуждать подобным образом? Её взгляд оставался чистым, полным безграничного доверия к отцу, но в самой его глубине сквозила леденящая решимость. Неужели она так глубоко понимает суть жизни и смерти?

Это был далеко не первый раз, когда Кэтрин заговаривала о бессмертии и кончине.

Морис нахмурился и, сам того не замечая, крепче сжал объятия.

Почувствовав, как сдавило рёбра, девочка глубже зарылась в его плечо.

— Больно... — наконец тихо пропищала она.

Морис тут же опомнился и ослабил хватку.

Кэтрин потёрла плечо и задала вопрос, который, похоже, волновал её больше всего:

— Отец, если всё обернётся как в этой сказке... ты ведь не бросишь папу?

— Конечно нет. Что бы ни случилось, я никогда не оставлю твоего папу. И тебя, моя Кэтрин.

— Обещаешь?

— Клянусь тебе, — Морис поднял левую руку, скрепляя обещание, хоть и не понимал причин такой настойчивости.

Кэтрин облегчённо рассмеялась:

— Папа говорил то же самое! Он обещал, что защитит нас. Что бы ни произошло, он заслонит нас собой и спасёт.

— Вот как? — уголки губ Мориса дрогнули в мягкой улыбке, а в сапфировых глазах потеплело.

С тех пор как Хань Цзин узнал о беременности Мориса, в его душе вновь всколыхнулись давно забытые чувства: былая тревога, волнение и безграничная, захлёстывающая радость. Пока муж укладывал дочь спать, Хань Цзин отправился на кухню, чтобы лично приготовить традиционный восточный бульон. Он даже созвонился с Марко, расспрашивая о состоянии Мориса до тех пор, пока на том конце провода не послышался вздох капитуляции. Только тогда Хань Цзин наконец перевёл дыхание, и грызущее беспокойство немного отступило.

Как и несколько лет назад, Морис оставался абсолютно здоров. За прошедшие четыре года его организм не выказал ни малейших признаков старения; с точки зрения человеческой медицины, он по-прежнему являл собой недостижимый идеал физического совершенства.

Закончив с делами на кухне, Хань Цзин поднялся наверх с дымящейся пиалой в руках. В детской уже царил мрак — должно быть, Кэтрин заснула.

Приоткрыв дверь спальни, он увидел Мориса. Тот сидел за письменным столом, подперев подбородок левой рукой, и сосредоточенно всматривался в светящийся голографический экран терминала. Снова заработался, совершенно позабыв о собственном положении.

Хань Цзин невольно нахмурился. С террасы сквозь приоткрытую стеклянную дверь веял холодный ветер поздней весны, обдувая Мориса сквозняком, и у Хань Цзина болезненно сжалось сердце.

— Почему ты ещё не в постели? Тебе сейчас нельзя переутомляться.

— Если будешь нагружать себя как прежде, организм просто не выдержит, — Хань Цзин тихо

подошёл ближе, поставил пиалу с тёплым супом из красной фасоли и фиников на край стола и закрыл балконную дверь.

Вскоре комната наполнилась приятным теплом.

— Чем ты так занят? — Хань Цзин с лёгким недоумением заглянул мужу через плечо. Тот молчал, его лицо было непривычно суровым, а к ароматному отвару он даже не прикоснулся. За долгие годы совместной жизни Хань Цзин привык к феноменальной выдержке Мориса: какое бы давление тот ни испытывал на службе, порог дома всегда оставался для него границей, за которую рабочие тревоги не проникали.

Ещё полчаса назад всё было прекрасно. Что же изменилось за то время, пока варился суп?

Неужели Кэтрин чем-то расстроила его?

Нет, исключено. Морис бывал строг с дочерью, но под этой холодностью скрывалась любовь не менее глубокая, чем у самого Хань Цзина.

Хань Цзин подошёл вплотную и обнял его со спины, переводя взгляд на мерцающий экран.

«Юпитер?»

«Большое красное пятно?»

Информация о газовом гиганте заставила Хань Цзина растеряться. С чего бы сухим астрономическим выкладкам вызывать у Мориса такую мрачную сосредоточенность?

— Хватит на сегодня, — Хань Цзин мягко прикоснулся губами к его виску и слегка приобнял за плечи. — Ты поговорил с Кэтрин? Нам обязательно лететь на Харон именно сейчас? Неужели нельзя отложить экспедицию до следующего года?

— Проект готовился больше полугода, Федеральное правительство вложило в него колоссальные ресурсы. Я не могу требовать отмены из-за личных обстоятельств. К тому же мы наконец добрались к Звёздным вратам Харона — они парят в открытом космосе, прямо как в мире Идо.

— Я обязан увидеть их лично, — твёрдо отрезал Морис, но, уловив в собственном голосе излишнюю резкость, тут же смягчился и перехватил ладонь Хань Цзина. — Прости. Я знаю, как ты переживаешь.

— Но со мной всё будет в порядке, ведь ты полетишь со мной? — Морис тепло улыбнулся, и его взгляд, лишившись былой стальной хватки, наполнился нежностью. — Это займёт всего три

месяца. Когда мы вернёмся, срок будет ещё совсем маленьким, никаких сложностей не возникнет.

— Я знаю. И не допущу, чтобы с тобой что-то случилось, — Хань Цзин мысленно вздохнул. Упрямство Мориса было непреклонным: если он что-то решил, спорить бесполезно. И всё же на душе скребли кошки. Почему каждый раз, когда Морис оказывался уязвим, судьба подбрасывала очередное испытание? Сначала была миссия SG-I, теперь — Харон.

Утешало лишь то, что Харон давно стал обжитой научной базой Альянса. Главным испытанием для Мориса станут разве что перегрузки при взлёте и невесомость.

— Зачем ты изучаешь Большое красное пятно? Что там разглядывать? — Хань Цзин примиряюще придвинул пиалу ближе. — Сначала выпей суп, я сам его готовил.

Он взял ложку, в шутку собираясь покормить мужа с рук.

Морис со смехом перехватил у него посуду:

— Я тебе что, ребёнок?

— А мне нравится за тобой ухаживать, — парировал Хань Цзин, переводя взгляд на голограмму и бегло проглядывая открытые файлы. — Так ты сказал Кэтрин, что нам придётся улететь? Она расстроилась?

— Конечно, ей взгрустнулось, но в этот раз обошлось без слёз, — Морис нахмурился, вспомнив их прошлую поездку на Харон два года назад. Кэтрин тогда было всего два года, она отчаянно цеплялась за одежду родителей и горько плакала, не желая отпускать. Сегодня же, хоть ей и было тяжело, после долгих уговоров она послушно согласилась подождать их дома.

— Она вырастет быстрее, чем мы думаем, — Морис отставил ложку, так и не допив суп. На его лоб снова легла тень.

— Тебя что-то тревожит? — тут же среагировал Хань Цзин.

— Что тебе известно о Большом красном пятне? — Морис указал на экран, слегка прикрыв ладонью текстовые выкладки.

На голограмме медленно вращался Юпитер с его знаменитым гигантским вихрем, бушующим против часовой стрелки. Этот колоссальный шторм легко мог поглотить несколько планет размером с Землю. Человечество веками считало Юпитер горячим газовым гигантом, похожим на несформировавшуюся звезду. С момента открытия Большого красного пятна и белых овалов с помощью простейших телескопов прошло более четырёх столетий, но запустить к ним исследовательские зонды ученые смогли лишь в последние десятилетия.

— За последний век мы пережили невероятный технологический прорыв, — задумавшись, произнёс Хань Цзин. — Всего двести лет назад пределом мечтаний была высадка на Луну, а колонизация Марса казалась далёкой теорией. Но открытие теории Люкс и обнаружение мезонейтрино повлекли за собой революцию в энергетике. Появились ионные двигатели длительного горения, субсветовые ускорители, направленные пучки высокоэнергетических лучей... Теперь мы способны достигать самых далёких окраин Солнечной системы и изучать тайны космоса, над которыми человечество билось тысячелетиями.

— Но чем ближе мы к разгадкам, тем поразительнее и суровее оказывается реальность, — Хань Цзин невольно вздохнул, вспомнив секретные архивы Базы № 9, доступ к которым закрыт для миллиардов обычных граждан. — Тот же Харон... Мы были убеждены, что этот спутник образовался в результате космического столкновения в глубокой древности, а он оказался замаскированной рукотворной цитаделью.

— Или Юпитер. Все считали его обычной газовой планетой, пока космический корабль «Аврора» не совершил первый облёт. Сенсоры обнаружили под плотной атмосферой ядра сразу нескольких планет величиной с Луну! Они вращаются против часовой стрелки в идеальном ритме, порождая колоссальное Большое красное пятно. А уровень радиации там превышает показатели земной ионосферы в шестьсот раз! Это в шестьдесят раз больше, чем предсказывали учёные прошлого века.

— Такое излучение способно мгновенно выжечь всё живое на Земле сотни раз подряд. Но самое странное, что в соседних зонах — белых овалах — нет и следа высокоэнергетических ионов гелия. Там царит полная радиационная тишина. Именно в одном из таких секторов Федерация обнаружила гигантский астероид площадью около сорока тысяч квадратных километров и основала на нём исследовательский аванпост.

— В новостях его преподносят как первую обитаемую колонию на орбите Юпитера, — Хань Цзин замолчал и с недоумением посмотрел на Мориса. — Так почему тебя это заинтересовало именно сейчас?

— Потому что природа не создаёт столь идеальных, взаимоисключающих противоположностей в одной точке пространства. Смертоносный вихрь и абсолютный штиль бок о бок... — Морис задумчиво прищурился, не отрывая взгляда от экрана.

— Космос полон загадок, — пожал плечами Хань Цзин. — Он раз за разом опровергает наши теории, и этот процесс бесконечен.

— Нет, — резко перебил Морис. — Великое красное пятно возникло вовсе не под влиянием природных сил.

— Что?! — Хань Цзин опешил. Это заявление перечёркивало многовековые труды сотен поколений астрофизиков. — Откуда у тебя такие сведения? Кто это обнаружил? Клифф? Или Веблен?

— Ни тот, ни другой, — глухо произнёс Морис. — Об этом мне рассказала наша дочь. Кэтрин.

— Кэтрин? — Хань Цзин окончательно растерялся, но, заметив нарастающую тревогу мужа, поспешил его успокоить: — Ей всего четыре года, радость моя. Дети часто выдумывают невероятные вещи, разве мы в детстве не фантазировали?

— Нет, это другое... — Морис покачал головой, мысленно возвращаясь к разговору у постели дочери.

«Я буду слушаться дедушку».

«Когда вы прилетите на Эусаско, обязательно посмотрите на сияние Красного пятна!»

«Это рукотворное чудо!»

«Эусаско?»

«Ну да, Юпитер, куда вы летите».

«Почему ты зовёшь его так?»

«Не знаю. Просто чувствую... Этот голос словно звучит у меня в голове, и я сразу поняла, что его настоящее имя — Эусаско».

«Голос? Чувство?»

«Да, разве у тебя такого нет? Я просто знаю, и всё...»

Детский смех и наивный голосок до сих пор звенели в ушах, невидимой петлёй стягивая горло Мориса.

Даже сейчас его не покидало гнетущее чувство тревоги. За чистой, доверительной улыбкой дочери скрывалась тайна, от которой кровь стыла в жилах.

— Она с ходу назвала точные координаты Альтаира и Веги. Заявила, что Альтаир находится в восемнадцати и девяти десятых световых годах от Земли, а вовсе не в шестнадцати и семи, как принято считать в нашей науке. Она с абсолютной уверенностью перечислила его физические параметры: диаметр в одну и шесть десятых больше солнечного, температура поверхности зашкаливает за семь тысяч градусов, а период вращения вокруг своей оси составляет ровно семь целых тридцать четыре сотых часа!

— И эти цифры с поразительной точностью совпадают с нашими новейшими расчётами!

— Но ладно звёзды — о них она могла услышать от тебя или прочитать в книгах. Но Эусаско! Юпитер! Кэтрин в деталях описала то, что скрыто под облаками газового гиганта. Обыватели думают, будто это безжизненный шар из гелия и водорода, но Кэтрин знает о трёх субпланетах размером с Луну, запрятанных в его недрах!

— Три ядра! Это строжайшая тайна Комитета обороны Федерации, данные засекречены! Откуда у четырёхлетней девочки такие знания? Она говорила об этом так обыденно, словно знала всегда.

— Сказала, что просто чувствует это. Ты веришь ей?

— Ты веришь в то, что говорит наша дочь? Ты хоть понимаешь, что это значит?!

— Понимаю... — Хань Цзину было больно видеть мужа в таком состоянии. Морис, прославившийся своей нестигаемой, стальной волей, сейчас выглядел беззащитным. Хань Цзин бережно обнял его, стараясь унять внутреннюю дрожь. У каждого сильного мужчины есть уязвимое место, и право коснуться его принадлежало только ему.

— Я знаю, что Кэтрин отличается от других. Её пепельные волосы, янтарные глаза — всё это выходит за рамки нормы. Но не кори себя. Она наш ребёнок, плоть от плоти. Генетическая экспертиза подтвердила полную совместимость и чистоту ДНК, это официальное заключение медицинского департамента Федерации.

— Успокойся, прошу тебя. Мы защитим её. Наша девочка вырастет здоровой, умной и красивой. Вот увидишь, у неё ещё отбоя от кавалеров не будет, — Хань Цзин нежно коснулся губами его щеки, продолжая тихо убаюкивать своими ласками.

— Не думай о плохом. Атлантида погибла миллионы лет назад, оставив после себя лишь осколки некогда великой цивилизации и утерянные технологии.

— Но Кэтрин... она явно унаследовала память этой расы. Атлантида с самого начала вела нас, сотворив Иллюзию Атлантиды... заставила столкнуться лбами, полюбить друг друга... — Морис устало прикрыл глаза ладонью. В памяти один за другим замелькали моменты их общего прошлого: от яростного отрицания и борьбы до непреодолимого взаимного притяжения. Если признать честно, он полностью подчинился воле древней цивилизации. Она сломала его гордость.

— И ты жалеешь об этом? — тихо спросил Хань Цзин.

— Нет, конечно нет! — испугавшись собственной мысли, Морис вскинул голову, но наткнулся на любящий, тёплый взгляд Хань Цзина, растопивший остатки его ледяной брони.

— Тогда зачем терзать себя? — Хань Цзин знал, что так называемое проклятие Атлантиды долгие годы висело над мужем дамокловым мечом. И только он мог помочь ему избавиться от этих призраков прошлого.

— Атлантида соединила наши судьбы и подарила нам Кэтрин. Посмотри, какая она смышлёная и ласковая. Я уверен, что у них не было злых намерений по отношению к нам.

— Они просто хотели сохранить наследие великой эпохи. Ведь преемственность знаний — это тоже продолжение жизни.

— Возможно, наша дочь унаследовала часть их вековой мудрости? Каким-то непостижимым для нас образом эти знания пробуждаются в её сознании. Но в этом нет ничего страшного. Нам нужно лишь любить её, оберегать и направлять. Кэтрин так сильно привязана к нам. Её будущее будет светлым и счастливым, гораздо счастливее, чем наше с тобой.

<http://bllate.org/book/19677/2006489>